

АЛЕКСАНДР ПОТАПОВ

ТАЙНЫ ГЕРОЕВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Русская история (Алгоритм)

Александр Потапов

Тайны героев Древней Руси

«Алисторус»

2026

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)4

Потапов А. Н.

Тайны героев Древней Руси / А. Н. Потапов — «Алисторус»,
2026 — (Русская история (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-497-6

Книга известного писателя, лауреата Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский», дипломанта Всероссийской литературно-исторической премии «Моя Россия» Александра Потапова представляет собой сборник исследовательских очерков, посвященных некоторым персонажам Древней Руси, жившим и действовавшим в переломное время истории. Герои книги - святые князья-страстотерпы Борис и Глеб, легендарный рязанский воевода Евпатий Коловрат, великие князья-полководцы Александр Невский и Дмитрий Донской. Книга отличается истинным, а не показным патриотизмом, непредвзятым взглядом на прошлое; она выделяется из потока исторических книг ярким, образным языком, острой полемической направленностью, что, несомненно, привлечёт внимание читателей, интересующихся историей своей страны, для кого понятия Отечество, государственность, долг, патриотизм - не просто слова, а необходимая основа для полнокровной жизни сердца и души. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-00269-497-6

© Потапов А. Н., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Кто погубил князей Бориса и Глеба?	8
Владимир Святой и его потомство	9
Тайное братоубийство	16
Сенсационное преступление века?	18
Загадка Евпатия Коловрата	21
Потомок былинных богатырей	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Потапов

Тайны героев Древней Руси

© Потапов А. Н., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

История – завет предков потомству, дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Н. М. Карамзин

В наше время надобно мёртвых ставить на ноги, дабы напугать и усювестить живую наглость и отучить от неё нынешних ротозеев, которые ещё дивятся ей с коленопреклонением...

П. А. Вяземский

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А. С. Пушкин

Чем одностороннее мнение, тем доступнее оно для большинства, которое любит, чтобы хорошее неизменно было хорошим, а дурное – дурным, и которое слышат не хочет, чтобы один и тот же предмет вмещал в себя и хорошее, и дурное...

В. Г. Белинский

Иногда даже ошибки государственных деятелей имеют для народа такое же громадное значение, как и те истины, которые стали для нас драгоценным наследием отцов наших...

Валентин Пикуль

Не судить мы должны наше прошлое – по возможности понять, но понять, скрывая часть правды, нельзя. А главное – опасно. Полуправда – яд замедленного действия. Яд на века. Стоит опытному аптекарю капнуть из припасённого пузырька, и отравы готова.

Владислав Бахревский

Я столкнулся с неписаным, но имеющим силу законом, точнее – традицией: писатель, не принадлежащий к сословию учёных, оказывается немедленно атакованным со всех сторон, если он пытается что-либо открывать...

Георгий Шторм

В. Васнецов. Витязь на распутье.

Кто погубил князей Бориса и Глеба?

Князья Борис и Глеб, первые русские святые, издревле пользуются на Руси признательностью и любовью. Минули века, однако обстоятельства трагической гибели братьев-князей до сих пор окутаны тайной.

Владимир Святой и его потомство

Чем же прославились в веках безвинно убиенные молодые князья – дети великого киевского князя Владимира Святославича, причисленного к лику святых, а в народе получившего ласковое прозвище – Красное Солнышко (хотя есть предположение, что так именовали одного из его внуков)?

Обратимся к предыстории трагического события.

Борис и Глеб.

Официальная историография считает, что князь Владимир в 988 году крестил Русь, за что и стал зваться Святым. Однако современные историки доказывают, что христианство на Руси существовало ещё при князе Аскольде, с 60-х годов IX века. Более того, первый русский историк Василий Никитич Татищев считал, что князь Аскольд был первым святым мучеником на Руси. Как известно, в 882 году язычник Олег захватил Киев и убил здешних властителей Аскольда и Дира. Князья Рюриковичи предпочитали умалчивать об этих событиях, поэтому в третьей редакции «Повести временных лет», выполненной при князе Владимире Мономахе, из рукописи Нестора исчезли сведения о христианизации русов в 860—870-е годы, а святителем Руси был назван князь Владимир – предок и тёзка Мономаха. Учёные считают, что христианизация Руси прошла несколько этапов, и князь Владимир лишь успешно завершил её.

В жизнеописании знаменитого князя немало «тёмных мест». Точная дата его рождения неизвестна, да и вообще, по свидетельству летописцев, Владимир был младшим, незаконнорождённым сыном князя-воителя Святослава от простолюдинки Малуши – ключницы княгини Ольги, матери Святослава, считающейся первой христианкой среди киевлян, а дядькой (воспитателем) маленького княжича стал Добрыня, брат Малуши. Таким образом, Владимир был «робичичем». (Некоторые историки полагают, что словом «робичич» называли не раба, а просто человека низкого, не княжеского, происхождения, но сути дела это не меняет.)

В 969 году, когда княгини Ольги уже не было в живых, Святослав, собираясь в новый военный поход, передал Киев в управление своему старшему сыну Ярополку, а древлянские земли – сыну Олегу. Тут как раз прибыли новгородцы с просьбой назначить им князя. Святослав и рад был отправить в северную землю младшего сына Владимира – подальше от досужих разговоров о незаконном происхождении княжича.

После гибели Святослава в 972 году на киевском столе утвердился Ярополк, в древлянской земле правил Олег, в Новгороде – Владимир. Таким образом, Русь фактически разделилась на три независимых государства.

В 975 году Ярополк пошёл войной на Олега и разбил его. При отступлении Олег в страшной толкотне рухнул с моста через ров и погиб. Насмерть перепуганный Владимир бежал из Новгорода за море, через некоторое время вернулся с варяжским войском, выгнал из Новгорода посадников Ярополка и пошёл на Киев. Владимир вступил в тайный сговор с Блудом, воеводой Ярополка, и тот обманом выдал новгородскому князю своего господина. При входе в отчий терем, куда он направлялся для заключения мира, Ярополк был заколот Владимировыми варягами-наёмниками... Так жестокий «робичич» вероломством и обманом захватил власть на Руси.

Примечательно, что до крещения Руси князь Владимир был ярым язычником и сжигал христиан. Именно он, по словам летописца, «поставил кумиры (т. е. языческих идолов) на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими». Известно, что в Киеве, на холме за теремным двором, убили и сожгли переселившихся из Византии на Русь христиан – некоего Феодора и его сына Иоанна. Надо полагать, это ритуальное убийство христиан было не единичным.

Князь Владимир слыл беззастенчивым растлителем женщин и дев. «И был он ненасытен в блуде, – свидетельствует „Повесть временных лет“, – приводя к себе замужних женщин и растляя девиц». Кроме того, любвеобильный князь имел собственный гарем, который, пожалуй, был многочисленнее сералей восточных владык. Сошлёмся на выдающегося русского историка Н. М. Карамзина, который писал: «...Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою супругою его была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, чехини или богемки, имел сына

Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвёртой, родом из Болгарии, – Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 – в нынешней Белогородке (близ Киева) и 200 – в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора; он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии».

При таком количестве жён и наложниц великого князя трудно разобраться, какая из них законная, а какая – «забавная» (исследователи насчитывают у Владимира шесть «законных» жен), да и детей Владимира перечислить сложно (полагают, что только сыновей у него было двенадцать). Во всяком случае, интересующие нас Борис и Глеб родились, как считается, в христианском браке, от одной матери (по одной версии – от некоей болгарки, по иным данным – от греческой царевны Анны). Однако немецкий историк Л. Мюллер считает, что это произошло после похода князя Владимира в 985 году на волжскую Булгарию и заключения мирного договора – это соглашение было скреплено династическим браком киевского князя с болгарской принцессой, от которой и родились Борис и Глеб. «Они – потомки брака, заключенного до его (Владимира) крещения с болгарыней», – сообщает летопись, а Л. Мюллер добавляет: «Я склонен полагать – со знатной волжской болгаркой, ибо после смерти отца их в 1015 году мы застаем их (Бориса и Глеба) князьями в удельных княжествах Ростове и Муроме, граничивших с державой волжских болгар».

Между прочим, в русской летописи говорится: «Иде Володимиръ на Болгары...» – а не «на болгар», как писали византийские греки. Так может быть, никакой летописной «болгарыни» и не существовало, а женой князя Владимира была болгарка – дочь эмира? Вполне вероятно, что летописцы, а вслед за ними и переводчики на современный русский язык перепутали «булгарку» с «болгаркой».

Известно, что народы, бежавшие из Поволжья от жестокой власти хазар, со временем создали свои государства: Венгрию и Дунайскую Болгарию. Но откуда было взяться придунайской болгарке в стольном Киеве? А Булгария – вот она, поблизости, на Волге и Каме. Кстати говоря, во многих современных источниках название этого государства, существовавшего с X века и разгромленного монголо-татарами в XIII столетии, пишется через «о»: Волжско-Камская Болгария.

Заметим, что термин «Киевская Русь» был введен историками в научный оборот лишь в XIX веке, тогда как в древние времена это государство называлось Киевским (или Русским) каганатом. Соответственно, и Владимир Святой, и его сын Ярослав Мудрый именовались каганами. (Слово «каган» означает «хан ханов», или «великий хан».)

Некоторые историки высказывают мнение, что Владимир и крестился-то не по доброй воле! Дело было так. В 986 году византийский император Василий обратился к Киеву за военной помощью. Князь Владимир обещал помочь, но взамен попросил отдать ему в жёны царевну Анну, младшую сестру императора. Тот согласился, но в свою очередь поставил условие, что киевский князь примет христианство. Очевидно, женолюбивый Владимир ради обладания византийской красавицей готов был пойти на что угодно...

Известно, что христианизация на просторах Киевского каганата проводилась насильственно. По мнению писателя-историка Сергея Баймухаметова, при крещении Руси «Владимир с истинно варяжской грубостью и жестокостью сломал начавшийся эволюционный путь... Насадить веру – значит возвыситься над ней, сделать веру и церковь инструментом власти. В этом – коренное отличие православной России от Европы».

Христианство на Руси действительно насаждалось огнём и мечом, но оно определило дальнейший путь развития государства, а князь Владимир был наречён Святым. Однако Царьград (Константинополь, ныне – Стамбул) святым его не признал. Византийских церковных иерархов понять можно: киевский князь благочестием не прославился, а наоборот – отличался невиданным греховным, блудливым женолюбием и вёл далеко не праведную жизнь.

Летописцы, а вслед за ними и русские историки утверждают, что, приняв крещение, Владимир отказался от многоженства и распустил свой гарем. Что ж, дело похвальное, но со своим многочисленным потомством киевский князь, похоже, и сам не мог разобраться. Примечательно, что ещё при жизни Владимира Святославича Русь как единое государство практически не существовала. В начале XI века, как отмечал видный современный историк А. Н. Сахаров, «сформировались три центра борьбы за власть: Новгород во главе с Ярославом, Туров во главе со Святополком и северо-восточные земли (будущая Московская Русь. – А. П.) во главе с Борисом и Глебом».

При таком положении дел стоит ли удивляться, что соперничество между наследниками великокняжеского стола год от года обострялось?

Всем многочисленным сыновьям великого киевского князя было трудно найти по уделу. Как свидетельствует летопись, «посадил Владимир сыновей своих – Изяслава в Полоцке, Ярослава – в Новгороде, Святополка – в Турове, а Бориса – в Ростове, а Глеба – в Муроме, Мстислава же – в Тмутаракани». Есть сведения, что до 1012 года в Муроме княжил Борис, а уже потом – младший брат Глеб.

Летописцы – очевидно, из глубокого почтения к невинно убиенным князьям, – утверждают, что Борис и Глеб были любимыми сыновьями Владимира.

Насколько сам князь Владимир был любим народом, можно судить по следующему факту, который приводит писатель-историк Наталья Павлищева. Оказывается, археологи, изучавшие останки святого князя, обнаружили, что при погребении его останки были завернуты в ковёр и – мало того! – оказались растерзанными на части! Предположение напрашивается само собой: Владимир не умер от внезапно приключившейся с ним болезни, а был жестоко убит, но разве теперь, спустя более тысячи лет, это возможно доказать?

Примечательно, что выдающийся русский историк Василий Никитич Татищев описывает предысторию кончины великого князя следующим образом: «Ярославу (сыну Владимира Святославича, будущему киевскому князю Ярославу Мудрому. – А. П.) бывшему в Новгороде и по определению отца его положено было давать от Новгорода ежегодно в Киев по 2000 гривен, а также 1000 гривен в Новгороде князю на раздачу придворным людям, как прежде давали все посадники новгородские... Но Ярослав не стал давать в Киев отцу своему. Владимир же, оскорбившись сим, повелел войско готовить, чистить дороги и мосты мостить, желая идти на Ярослава; однако в то время разболелся и не пошёл».

Как видим, противостояние Владимира Святославича с его сыном Ярославом разгоралось нешуточное, и быть бы на Руси очередному междоусобному кровопролитию, если бы не внезапная болезнь великого киевского князя. Странная болезнь – не правда ли? Был князь Владимир жив-здоров, к военному походу готовился – и вдруг разболелся. Разумеется, в жизни бывает всякое, но суть в том, что не названная ни летописцами, ни последующими историками болезнь оказалась смертельной!

Далее под годом 6523 (1015) читаем у В. Н. Татищева: «Ярослав, слышав, что отец хочет на него идти, убоявшись, послал к варягам и привёл войско в помощь, но Бог не дал диаволу радости, так как Владимир разболелся. В то же время был при нём один Борис. И слышав, что печенеги идут на Русь, послал его против них с войском. И вскоре после этого, месяца июля в день, на Берестовом скончался. Вельможи же, бывшие при нём, видя, что определённый наследник Киеву Борис отлучился, а Святополк был в Киеве для своих нужд, хотели смерть Владимира утаить, пока Борис не возвратится, и послали к нему наскоро с вестью. Тело же Владимирово, увертев в ковёр и ночью выломав мост в сенях, опустили верёвками и положили у церкви, не сказывая кто. Но недолго могло сие утаиться. Сведая, Святополк велел тело принести в Киев и поставил в церкви святой богородицы, которую Владимир сам создал... И положили тело блаженного князя во гроб мраморный с плачем великим».

Ну не странное ли дело произошло под стольным Киевом? Ближайшие сподвижники Владимира Святославича, словно безжалостные преступники-убийцы, ночью, выломав стену княжьего терема, тайно вынесли тело несчастного и бросили его без погребения, словно это был не великий князь, а безродный бродяга. И что ещё более странно: не кто-либо их близких, а князь Святополк – неродной сын Владимира Святославича! – организовал названному отцу достойное погребение и... заслужил в веках обидное прозвище: Окаянный! Ну не бред ли это?

На наш взгляд, произошло следующее: великий киевский князь скончался не из-за неведомой болезни, а в результате заговора ближних бояр. Сами ли они решились на злодейское убийство, или были подкуплены Ярославом, или чёрное дело совершил подосланный Ярославом убийца – этого мы уже, очевидно, никогда не узнаем. Но представляется несомненным, что смерть Владимира Святославича наступила в результате жестокого злодеяния. Юриспруденция учит: ищи того, кому преступление было выгодно. В данном случае смерть великого князя была выгодна именно Ярославу, которого – обратим внимание! – Татищев называет дьяволом, но никак не Святополку, на которого впоследствии свалили всю вину...

После смерти князя Владимира Святославича его пасынок Святополк взойшёл на престол в Киеве. Вопреки мнению ортодоксальных историков, Святополк не захватил престол силой, а стал князем Киевским по полному праву, поскольку он в то время был старшим из сыновей Владимира (Изяслава и Вышеслава к тому времени уже не было в живых, речь о Ярославе пойдёт ниже). Так что старейшинство в роду потомков Святослава принадлежало именно Святополку, хотя некоторые историки утверждают, что Владимир завещал киевский стол Борису, любимому сыну.

Происхождение Святополка довольно туманно. Согласно летописи, Владимир, княживший в Новгороде, в 980 году, как уже говорилось, злодейски убил своего брата, киевского князя Ярополка, и «взял в жёны» его вдову, красавицу-гречанку, бывшую монахиню, которую в своё время захватил в плен бесстрашный воитель Святослав. Гречанка была беременна и в положенный срок родила Святополка. Владимир его усыновил, но всю свою жизнь не любил, поскольку пасынок являл собой живое воплощение греховной жизни названного отца. Разумеется, и опальный Святополк не испытывал нежных чувств к отчиму. Кто был биологическим отцом Святополка? Вопрос без ответа.

Есть неясности и в жизнеописании другого сына Владимира – Ярослава. Одну из своих жён будущий креститель Руси обрёл при весьма жестоких и позорных обстоятельствах.

Когда Владимир, правивший в Новгороде, задумал поход на Киев, он попытался привлечь на свою сторону полоцкого князя Рогволода. Прослышав, что у Рогволода есть дочь – красавица Рогнеда, сластолюбивый Владимир потребовал её в жены. Но не тут-то было! Послы привезли из Полоцка в Новгород решительный отказ (очевидно, половчане были наслышаны о греховной любвеобильности Владимира). Более того, гордая Рогнеда заявила отцу: «Не хочу разуту робичича...» – то есть отказалась выполнять древний обряд, когда молодая жена в знак преданности и покорности снимала сапоги с мужа. Заметим, что Рогнеда уже была наречена невестой Ярополка, старшего брата Владимира, и всё же похотливый «робичич» позарился на девичью честь несчастной княжны и надругался над ней.

Будущий креститель Руси с двухтысячной норманнской дружиной пошёл войной на Рогволода, взял Полоцк, а далее поступил как дикий варвар-язычник: по наущению своего дяди Добрыни силой овладел Рогнедой на глазах её отца, матери и братьев, да к тому же в присутствии ближних дружинников. Удовлетворив свою постыдную похоть, Владимир «взял в жёны» жестоко униженную и обесчещенную княжну, которая обрела новое имя – Горислава, а её отца и братьев подверг лютой казни – наёмники-норманны подняли их на мечах...

До сих пор многие историки, находясь под влиянием летописных источников, написанных по строгим церковным канонам, стараются обелить князя Владимира и оправдать его кровавость: дескать, таков был обычай – убивать соперников и насиловать их жён и дочерей.

«Что до судьбы Рогнеды, то подобное ритуальное действо (?! – А. П.) ни в коей мере не роняло достоинства женщины, ибо это была фактически политическая акция, – пишет военный историк Ю. Н. Лубченков. – В дальнейшем Рогнеда станет главной женой Владимира и родит ему четверых сыновей и двух дочерей. Он любил её (? – А. П.) и особенно отмечал старшего сына – Изяслава, который родился вскоре после ухода князя из Полоцка».

Комментарии, как говорится, излишни. Добавим лишь, что одним из упомянутых сыновей Рогнеды был Ярослав – будущий великий князь. Впрочем, некоторые учёные подвергают факт его рождения от Рогнеды сомнению. Выдающийся русский историк Н. И. Костомаров, в частности, писал: «...Не будучи единоутробным братом полоцкого князя, уже при жизни Владимира отделенного, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца». Тогда откуда же появился этот князь, сыгравший значительную роль в истории Руси?

Тайное братоубийство

Обратимся к судьбе младших сыновей Владимира – Бориса и Глеба. В 988 году князь Владимир, как уже говорилось, крестил Русь и, чтобы доказать свою приверженность христианству, женился на византийской (греческой) царевне, которая и стала матерью Бориса и Глеба.

Год рождения Бориса неизвестен, но считается, что он был старшим братом, хотя существует версия, что княжата были близнецами. Что же касается даты рождения Глеба, то историки предположительно называют 988-й или даже 984-й год. Но как мог князь-страстотерпец явиться на свет на четыре года раньше, чем его отец принял христианство и женился на греческой царевне?

«Тёмные места» в русской истории приводят к выводу, что многие летописи, что называется, шиты белыми нитками. Однако услужливые перед властями историки предпочитают об этом умалчивать...

Вернёмся к изложению дальнейших событий. В 1015 году великий князь Владимир Святославич занемог и 15 июля скончался. Его сын и законный наследник Святополк поспешил из Турова в Киев и занял отцовский стол, но, как утверждают летописи, положение его было неустойчивым, и он задумал погубить других претендентов на великое княжение.

Князь Борис в то время находился с отцовской дружиной далеко от Киева – в походе против печенегов. Когда пришло известие о смерти отца, дружинники предложили молодому князю силой завладеть великокняжеским престолом. Борис глубоко чтит святость родовых отношений и от вероломства отказался.

«Конечно, Борис мог бы двинуть войско на Киев и наверняка овладел бы великокняжеским престолом, – считает А. Н. Сахаров, – оно мог бы уйти к себе в Ростов и оттуда вместе с Глебом начать борьбу со Святополком, наконец, он мог бы найти убежище и в Новгороде у Ярослава Владимировича...»

Странно читать это учёное «если бы да кабы...». Разумеется, Борис мог бы двинуть войско на Киев, но зачем ему было затевать свару со Святополком – законным наследником? Да и пошло ли бы за ним войско – ещё вопрос. Ведь по какой-то причине дружина покинула молодого князя, и он остался в степи с немногочисленными воинами-отроками. Почему такое случилось? И зачем Святополку было губить Бориса, если он на Киев даже не посягал?

Как считал русский историк В. Н. Татищев, «Святополку Бориса оклеветали... О смерти же Бориса, законное ли сие мучение за веру или оплошность, почти самоубийство, как некоторые полагают, я оставляю на рассуждение мудрейших».

С отдалённого XVIII столетия, когда писались приведённые строки, утекло немало лет: немало и «мудрейших» повидала за это время Русь, но тайна гибели Бориса (как и Глеба) доньше не до конца ясна.

По словам летописца, Святополк подослал убийц к Борису, «и вот напали на него, как звери дикие, из-за шатра, и просунули в него копья, и пронзили Бориса...» Случилось это 24 июля 1015 года, на берегах реки Альты. Вместе с князем погибли и охранявшие его молодые воины. Когда завернутого в шатёр Бориса привезли на телеге к Святополку, несчастный князь ещё дышал. Тогда Святополк послал двух варягов прикончить его, и один из них пронзил сердце Бориса мечом. Тело невинно убиенного князя тайно перенесли в Вышгород, что под Киевом, и предали земле близ церкви Святого Василия.

Существует предание о том, что меч князя Бориса впоследствии достался владимиро-суздальскому князю Андрею Боголюбскому. Князь никогда не расставался с памятным мечом, и меч не раз выручал его в жестоких сечах. К сожалению, в день убийства князя в его резиденции в Боголюбове меча с ним не оказалось: убийцы заранее выкрали у Андрея Юрьевича оружие...

Впрочем, это совсем иная – и не менее жестокая! – история. А пока вернёмся к изложению трагических событий, связанных с гибелью князей Бориса и Глеба.

Весть о смерти отца, великого киевского князя Владимира, дошла и до другого его сына, Глеба, княжившего в Муроме, что привольно раскинулся на берегу реки Оки. Глеб тотчас поспешил в Киев. Судя по летописному сказанию, когда князь с небольшой дружиной плыл в ладье по Днепру, его настиг гонец от князя Ярослава и сообщил о злодейском убийстве брата. Глеб, словно предчувствуя свою гибель, горько заплакал: «Брат мой, если доходят твои молитвы к Богу, то помолись обо мне, чтобы я принял ту же мученическую кончину». И действительно, 5 сентября 1015 года, когда Глеб с дружинниками остановился на ночлег недалеко от устья реки Смядынь, подговоренный убийца полоснул ножом и зарезал князя, словно жертвенного ягненка. «Итак, Глеб был убит, – повествует летопись, – и был он брошен на берегу между двумя колодами...» Спустя несколько лет тело князя-мученика случайно обнаружили звероловы и удивились: оно было нетленно и не тронuto хищным зверьём и птицами. Останки мученика перевезли в Вышгород и похоронили рядом с братом, а вскоре у могилы князей начали являться чудеса и знамения.

Русская православная церковь канонизировала Бориса и Глеба как святых страстотерпцев. Они были признаны святыми и Византийской православной церковью и стали считаться заступниками Русской земли, покровителями воинства. 2 мая 1072 года останки князей-мучеников с почестями перезахоронили в новой церкви Святого Василия, а в 1115 году мощи страстотерпцев перенесли в каменную церковь, построенную во имя Бориса и Глеба. К сожалению, мощи святых утрачены в 1240 году, когда Киев был разгромлен дикими ордами Батыя...

Ссылаясь на польского историка Стрыковского, любопытный факт о Борисе и Глебе приводит В. Н. Татищев: «Борис и Глеб имели собранное войско на Ярослава; но поскольку пришли печенеги, то, обратясь, сих победили и, получив известие о смерти отца, что их, как младших, наследниками Киева утвердил, распустив войско, Борис к Киеву ехал. Сия была первая причина злобы Святополковой на детей Владимировых, что отец их неповинно отца его Ярополка убил и его, как старшего, обойдя, Борису младшему из-за матери наследие отдал».

Получается, что Борис и Глеб, младшие сыновья великого киевского князя, готовились идти войной на своего вероломного брата Ярослава, но внезапная смерть отца помешала, иначе быть бы на Руси иному братоубийству... Повторим ещё раз: смерть Бориса и Глеба была выгодна Ярославу, а не Святополку.

А что же произошло в стольном Киеве после подлого убийства молодых князей?

В 1016 году Ярослав занял великокняжеский стол. Три года спустя он в сражении на реке Альте, в местах, где предательски был убит князь Борис, наголову разбил Святополка, который бежал за пределы Руси, но по дороге тяжело занедужил и скончался в пустынном месте где-то между Польшей и Чехией (по другой версии – неподалеку от Берестя – современного Бреста). В русских летописях князь Святополк получил прозвище Окаянный, то есть проклятый. Однако в древнерусском языке прилагательное «окаянный» имело и иные значения: «много-страдальный», «несчастный», «грешный», «печальный», «жалкий», да к тому же есть предположение, что первоначально прозвище Святослава писалось иначе – Охаянный, то есть оклеветанный молвой.

Кстати говоря, летописи приписывают Святополку убийство ещё одного сводного брата – Святослава, когда тот пытался через Карпаты бежать в Венгрию. Однако к лику святых несчастный Святослав не причислен, поскольку его мать, некая Малфрида, была язычницей.

Сенсационное преступление века?

Летописные рассказы о княжении Владимира Святого скорее похожи на легенды, в которых былинные языческие сказания чудесным образом переплетаются с христианскими преданиями, поэтому полностью доверять им нельзя. Как полагают историки, первые повествования о князьях-страстотерпцах начали складываться при Ярославе Мудром. (Заметим, что прозвищем «Мудрый» Ярослава наделил в XIX веке знаменитый русский историк Н. М. Карамзин, а современники называли князя, страдавшего хромотой, по-иному: Малескладус, что в переводе с латинского означает Злой Хромец, что характеризует князя не лучшим образом.) В таком случае, стоит ли удивляться, если летописцы по указанию князя могли одних действующих лиц этой трагической истории возвысить или обелить, а других – очернить? Тем не менее, на протяжении многих веков (!) доверчивые историки пересказывали выдуманную летописцами поучительную сказку о святости Владимира, мудрости Ярослава, вероломстве Святополка и жертвенности Бориса и Глеба.

Собственно говоря, откуда дошли до нас известия о злодейском убийстве князей? О жизни и мученической кончине Бориса и Глеба рассказывают исторические источники: летописная повесть, вошедшая в состав «Повести временных лет», – «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба», составленное Нестором, и принадлежащее неизвестному автору «Сказание о Борисе и Глебе». Считается, что «Повесть временных лет» составлена около 1113 года на основе рассказов о событиях XI – начала XII века (автором «Повести...» принято считать монаха Киево-Печерского монастыря Нестора). Очевидно, к началу XII столетия относится и «Чтение о житии...», самый старший из известных списков которого датируется XVI веком. Самый ранний из известных списков «Сказания...» относится к XII–XIII векам. Говоря иными словами, все известные письменные источники о Борисе и Глебе создавались спустя целый век (!) после их гибели, когда на Руси великокняжеская власть принадлежала потомкам Злого Хромца – Ярослава, а поэтому в летописях восхвалялись деяния великого предка и порочились его соперники-князья. Вот тогда, видимо, и прозвали Святополка Окаянным (или Охаянным).

Святополк мог пылать родовой мстостью к своему сопернику Ярославу, поскольку князь Владимир, отец Ярослава, вероломно убил Ярополка, отца Святополка. «Окаянный» князь мог мстить князьям Владимировичам, отнявшим у него киевский престол. Но причин для мести своим сводным братьям Борису и Глебу у Святополка не было, поскольку они получили в наследство отдаленные уделы и на стольный Киев не претендовали. Более того: Борис и Глеб признали Святополка великим князем и обещали «читать его как отца своего».

Тёмный покров лжи, долгие века окутывавший обстоятельства гибели князей Бориса и Глеба, приоткрылся в 1834 году, когда в руки профессора Санкт-Петербургского университета О. И. Сенковского попала древнескандинавская «Сага об Эймунде». Учёный решил перевести древний манускрипт – и был как громом поражён. В саге описывалось, как норвежский конунг (князь) Эймунд прибыл в Гардарику (так, «страной городов», на Западе именовали Русь) и в Хольмгарде (Новгороде) поступил на службу к конунгу Ярислейфу (Ярославу). И этот самый Ярислейф, возмечтавший о великокняжеском столе, поручил норвежцу убить своего брата Бурислейфа (Бориса). Так вот, оказывается, откуда тянется кровавая ниточка убийства!

Любопытную версию гибели Бориса и Глеба приводит известный историк В. Л. Янин. Называя это убийство «сенсационным преступлением века», учёный пишет: «Оплакивая братьев, люди воздавали хвалу мудрому Ярославу... Поколения читателей летописи поражались его благочестию. Больше всего он лелеял память о своих невинно загубленных братьях. Именно Ярославу приписывают инициативу причисления их к лику святых в 1021 году... Но вот что сообщает скандинавская Эймундова сага. Варяжские предводители Эймунд и Рагнар были приглашены в Новгород „конунгом Ярислейфом“, а в Новгороде не было другого Ярислейфа,

кроме Ярослава Владимировича. И эти предводители ворвались в княжеский шатёр Бурислейфа (надо думать – Бориса) и убили его, а отрубленную голову Бурислейфа Эймунд поднёс Ярислейфу. В криминалистике есть правило: отыскивая виновных, ищи того, кому преступление выгодно. Выгодно ли оно было Ярославу? На этот вопрос отвечает судьба „самовластца“ XI века.

Кто вдохновлял убийц – Святополк или Ярослав? Свидетельские показания XI века дают возможность предположить, что оба они замарали свои руки в крови. Если один виноват в смерти Глеба, то за смерть Бориса как будто должен ответить другой. Но гибель Святополка открыла для Ярослава блестящую возможность: свалить всё на фактического „соучастника“, ставшего навсегда „Окаянным“...»

Подобную мысль высказывает историк И. Н. Данилевский: «Святополк был сыном своего времени. Возможно, жесток и коварен, подобно большинству своих современников-правителей. Но мало кто из них даже после смерти был так опозорен перед потомками, как он. Даже после смерти он не освободился от того, что мы называем политикой: на него, видимо, удалось „списать“ целый ряд политических преступлений, совершенных другими, скажем, тем же самым Ярославом Мудрым».

Любопытен такой исторический факт. Когда князь Владимир доживал последние годы, Ярослав княжил в Новгороде и незадолго до смерти отца оказал ему непослушание: отказался выплачивать Киеву часть собранных у новгородцев денег, чем навлёк на себя великокняжеский гнев. Владимир начал готовить поход, чтобы наказать строптивца, но смерть уже стояла у порога... Получается, Ярослав при жизни отца не мог рассчитывать на киевский стол. Теперь же, после смерти отца, ему предстояло бороться за великое княжение с другими претендентами, а таковыми были братья Борис и Глеб, Святополк, Мстислав... Словом, причины для устранения соперников у Ярослава имелись. В юриспруденции это называется – мотив для убийства.

А теперь сопоставим приводимые в источниках исторические даты, касающиеся гибели Бориса и Глеба. Их отец, киевский князь Владимир, скончался 15 июля 1015 года. Был послан гонец к Борису в дикие степи, и 24 июля молодой князь был убит. Глеб, вероятно, оставался в неведении о произошедших событиях. В летописных источниках говорится, что Святополк стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» Интересно, как мог летописец прочитывать мысли Святополка, тем более – спустя столетие после описываемых событий? Да и зачем Святополку потребовалось убивать Глеба, который княжил в Поочье и о великокняжеском столе не помышлял? Считается, что Святополк обманом вызвал Глеба в Киев уже после смерти отца и брата, сообщив ему лишь о болезни князя Владимира. «Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его в яму и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко...» Из слов летописца непонятно, куда направлялся Глеб. Если он направлялся на Волгу, чтобы, поднявшись вверх по течению, перебраться волоком в верховья Днепра, то почему он отправился посуху, а не поплыл из Муром по Оке? И где он в дальнейшем отыскал ладьи для себя и дружины?

Судя по летописным источникам, недалеко от Смоленска Глеб настиг гонец, которого Ярослав послал к нему из Новгорода с известием о смерти отца и убийстве брата Святополком. Но откуда новгородский князь мог знать, кто именно убил Бориса? Ведь глашатаи об этом на киевском майдане не кричали. Что касается Предславы, единокровной сестры Ярослава, якобы сообщившей ему о преступлении Святополка, то и она не могла ничего знать о деле, представлявшем государственную тайну, – русские княжны обычно вели затворническую жизнь.

Ещё вопрос: как мог Ярослав получить трагическое известие раньше Глеба? Ведь путь от Киева до новгородских земель не короче, чем до муромо-рязанских. Известно, что Глеб был

убит под Смоленском 5 сентября. Неужели он добирался сюда из Мурома более месяца? И не были ли те самые Ярославовы гонцы подосланными убийцами невинного князя?

О вероломстве Ярослава говорят его деяния. Вероятная цепь событий представляется следующим образом. Получив в Новгороде известие о смерти отца, Ярослав решил бороться за великокняжеский стол и стал собирать войско. С четырьмя тысячами ратников (три тысячи новгородцев и тысяча варягов) он направился в Киев, вероятно, назначив Глебу встречу под Смоленском, куда Глеб, не помышлявший о коварстве новгородского князя, пришел с малой дружиной. Расправившись с Глебом, Ярослав продолжил путь к Киеву, разбил Святополка и заключил в темницу в Пскове еще одного брата – Судислава. Оставался единственный брат-соперник – Мстислав, княживший в Тмутаракани. Ярослав вступил в долгую борьбу с ним, но после поражения у Листвена в 1024 году уступил Мстиславу левобережную (восточную) Русь с Черниговом, а сам довольствовался Киевом и правобережным Поднепровьем. В 1036 году Мстислав скончался, не оставив наследников. Ярослав завладел его землями и сделался единовластным правителем Руси.

Давно известно: кто правит – тот и прав. Очевидно, князь Ярослав, укрепившись на киевском престоле, обвинил в братоубийственном преступлении своего соперника Святополка, которого уже не было в живых (напомним, что Святополк погиб в 1019 году, а княжение Ярослава продолжалось до 1054 года). Из русских летописей известно, что Святополк нашел смерть в чужой земле, однако скандинавские источники свидетельствуют, что князь был убит варягами в пределах Руси. Варяги, как известно, служили в дружине Ярослава, и не по княжескому ли наущению они тайно расправились с его соперником?

Издревле существует пословица: мертвые сраму не имут, а говоря современным языком, политическая конъюнктура после смерти Святополка оказалась на стороне Ярослава, который вполне мог «подсказать» летописцам легенду об убиении Бориса и Глеба, чтобы замести следы своего кровавого преступления...

Перед своей смертью князь Ярослав разделил земли Русского государства между своими сыновьями, чем положил начало феодальной раздробленности Руси и длительным междоусобным войнам...

Так кто же повинен в смерти князей Бориса и Глеба: Святополк, прозванный Окаянным, или Ярослав, прозванный Мудрым, но отнюдь не мудро поделивший государство между наследниками, развязав тем самым многолетнюю братоубийственную бойню, способствовавшую покорению Руси татаро-монголами?

Разумеется, спустя тысячелетие после описываемых событий невозможно разобраться, кто в действительности организовал убийство Бориса и Глеба. Время было темное, кровавое, однако негоже валить всю вину за преступления против братьев-князей на одного Святополка Окаянного.

Святые страстотерпцы Борис и Глеб свято чтимы церковью и народом. «Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся владыке Богу о своих людях», – гласит летопись. В память о князьях-мучениках названо немало городов, монастырей, храмов. Борис и Глеб считаются небесными покровителями русских князей.

Загадка Евпатия Коловрата

В последнее время в обществе наблюдается интерес к истории Древней Руси. Один из легендарных героев нашего Отечества – мужественный рязанский воевода Евпатий Коловрат, который в начале 1238 года с малым числом русских витязей дал бой безжалостной орде хищного хана Батые, обратившего в пепел древнюю столицу Рязанского княжества. По сути дела, Евпатий Коловрат – первый русский партизан, действующий в тылу врага. О его подвиге рассказывается в замечательном образце древнерусской литературы – «Повести о разорении Рязани Батыем», в исторических романах и повестях, поэмах и стихотворениях, а также в недавно вышедшем на экраны страны художественном фильме «Легенда о Коловрате», завоевавшем признание многочисленных зрителей.

Потомок былинных богатырей

Народная память сохранила предание о подвиге легендарного витязя Евпатия Коловрата. Рязанский боярин, воевода и мужественный ратник, он прославился как самоотверженный патриот, доблестный защитник Отечества.

Евпатий Коловрат.

«Это имя стало символом мужества и безнадёжной отваги, – пишет о Коловрате современный автор Александр Музафаров. – Это имя встречается практически во всех научных работах и художественных произведениях, посвящённых Батыеву нашествию, и, значит, стало частью нашей культуры».

При каких же обстоятельствах совершил Евпатий Коловрат свой подвиг, память о котором живёт вот уже без малого восемь веков?

Рязанская земля издревле была юго-восточной окраиной (а вернее – порубежным стражем) земли Русской. Рязанцы первыми встречали бесчисленные опустошительные набеги кочевников. Сюда стремились бег своих коней печенеги и торки. Здесь проносились, сея смерть и разор, привычные к многодневной скачке половцы. В эти места из глубин Азии хлынули неисчислимые тугены жестоких ордынцев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.